

Григорий Померанц

На горе и в храме

Самаритянка спросила Христа, где лучше молиться: на горе или в храме. Христос ответил, что молиться надо «в духе и в истине». Тогда весь народ держался одного предания, но уже появлялись люди, искавшие путь по себе, по своему складу души. И Христос обращался к ним. Он ведь не устанавливал никаких правил: «где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я с вами». А где соберутся, ему было все равно. Хоть в хлеву. Родился же он в хлеву...

Мне очень помогает физическая высота. Волошинская скамья, с видом на три прекрасно вычерченные бухты, сразу смывала все пустые мысли и очень скоро начинали рождаться другие мысли, близкие к небу. У многих людей то же происходит в храме, не в безгранично открытом пространстве, а в тесно замкнутом, но с окошком в духовную бесконечность. У икон Рублева я это испытывал и иногда получал от них какой-то заряд. Но таких икон, как рублевский Спас, мало. А до дерева легко добраться. И если Мышкин прав, то в дереве тоже есть дыхание благодати. Только Мышкин разговаривал с людьми очень неразвитыми, и выразил свою мысль светским языком. «Разве можно видеть дерево и не быть счастливым?»

Никакого счастья в картах или в любви дерево не дает, Мышкин имел в виду другое счастье, внутреннее, от благодати, разлитой в природе. Уже говорилось, что царство Божие внутри нас и вне нас; и в переключке леса с душой душа одновременно познает и присутствие святыни в лесу и присутствие святыни в сердце, в его глубине, о которой говорил Антоний Сурожский: каждый грех есть прежде всего потеря контакта с собственной глубиной. Созерцание безграничного внешнего простора становится метафорой безграничного внутреннего простора, который незрим, который

представим или в природе, или в иконе. Но здесь сразу же запятая и даже несколько запятых.

Игумен Вениамин Новик как-то поставил мне вопрос: как я понимаю различие между высотой и глубиной? Я стал разбирать различные сочетания слов. Выходило, что высокому противостоит низкое, а глубокому – мелкое, поверхностное. Нельзя сказать о физической теории, что она высокая или низкая; она может быть только глубокой или поверхностной. Высокое в современной речи имеет этический отпечаток, а глубокое – интеллектуальный. Например, глубинная психология занимается животными порывами, подавленными культурой. Ничего высокого в психоанализе нет. Но и глубина его – с полдороги в глубину. С той самой полдороги, на которой, – говорили в средние века, – сторожит дьявол. Что такое бесы, мучившие Антония? По-моему, образы тех порывов грубого секса или беспричинной агрессии, которыми как раз и занимаются современные психологи. Но образ святой глубины – не темная шахта, а центр мира, если мы вообразим себе его как сферу и все зримое – как поверхность сферы. Человеческое сердце достает до сердца этого умозрительного мира:

Всемогущее сердце мое –
Бесконечных миров сердцевина,
Переполненное до краев
Мы со всею вселенной едино.

О лесная великая тишь,
Всемогущая сила безмолвья!
Это ты мое сердце растишь,
Это ты его тайною полнишь.

Омываясь в твоей тишине,
Я прощаюсь со знанием ложным.
Все, что истинно надобно мне,
То воистину сердцу возможно.

Я надеюсь, что эти стихи Зинаиды Миркиной сделают более ясной мою мысль. Но вот еще одна запятая. В шестидесятые годы я два или три раза побывал в Сосновке, над озером Рица. Там сразу захватывало дух. Никакие мысли не рождались, не до них было. Я вспомнил Сосновку, читая Силуана Афонского: «Я пишу, потому что со мной благодать, но если бы благодать была бо^{ль}ше^й бы писать не мог».

Площадка и дорога к ней были устроены по указанию Сталина. Уцелел фундамент беседки. Сталин приезжал туда в пять часов утра слушать пенье соловьев. И меня сразила мысль: какая черная благодать рождалась в его голове? Что он задумывал, слушая соловьев? Вы скажете, что физическая высота (и всякая высота) может будить люциферическую гордость. Во мне высота этого не рождала, но могу кое-что понять через чувство всемогущества, охватившее меня после одного удачного выступления в декабре 1965 года. Через две недели поднялось давление. Подскок был небольшой, я быстро выздоровел физически и одновременно понял, что успехи и неудачи чередуются, как утро и вечер и ни тому, ни другому не стоит придавать большого значения. Но Сталин не был нормальным человеком. Он был медиумом люциферизма, и черная благодать расправляла в нем крылья.

«А почему? – спросит православный читатель. – Потому что не смирял себя в глубине храма». Зато Иван Васильевич, государь всея Руси, ни на какие горы не лазил, любил ездить по монастырям, почитать святые иконы (это было сразу после XIV–XV веков, многие творения, сейчас исчезнувшие, еще были целы). И в Кремле, не далеко ходить, – мне пришла эта мысль, когда я застыл перед фреской Дионисия, Богородица с ангелами, – почему

ангелы не внесли мир в его душу? Почему-то созерцание икон и молебны только укрепляли его уверенность в праве божьего помазанника искоренять крамолу, и если он каялся, то только в перегибах, в головокружении от успехов. Слишком много новгородцев утопил в Волхове, можно бы поменьше, слишком много девок изнасиловали опричники.

Изверги вырастают на пути, по которому прошли святые. Так даже в Афонском монастыре. Софроний (Сахаров), автор развернутого введения к книге «Старец Силуан», свидетельствует, что многие иноки, ничего не добившиеся после тридцати лет подвигов, испытывали «каинову зависть» к Силуану, который сравнительно быстро прошел через муки богооставленности – и потом жил в волнах благодати. Силуан был вынужден скрывать эти волны, чтобы не мучить несчастных братьев, как мучил Авель Каина и Моцарт – Сальери.

Путь подвигов – опасный путь. Лучше быть сапожником. Когда Св. Антоний возгордился, Бог послал его в Александрию, к уличному сапожнику. Легенда не рассказывает, как был найден именно тот сапожник, которого Бог имел в виду. Наверное, ангелы вели Антония. Увидев сапожника, приколачивавшего очередной каблук, он спросил: как ты живешь? Сапожник рассказал про свою скромную жизнь. «А что еще? – допытывался Антоний. – Да ничего, ответил сапожник. – Сижу и думаю: все спасутся, один я буду гореть в аду». Это один из вариантов изречения (услышанного Силуаном из глубины собственного сердца): «Держи ум свой во аде и не отчаивайся».

Люди, с детства чувствительные к мукам совести, постепенно вырабатывают нечто подобное. Что-то сразу заставляет отстраниться от соблазна, со жгучим стыдом пережить первое, ничтожное падение. Но беда душе, с детства исковерканной страхом (у Ивана, у Петра I) или людским презрением (у Ленина, у Сталина). Не всякий из них станет «человекоорудием дьявола», создатель этого термина, Андреев очень отличал Петра от Грозного, Ленина от Сталина; может быть, хотел подчеркнуть свободу воли. Но человекоорудия дьявола лепятся повсюду, не только в

политике. В каждой области, где есть борьба за первенство, возникают жгучие обиды и складываются свои гадюшники: театральные, телевизионные, писательские. Они складываются из непризнанных талантов, из обиженных маленьких людей, из всякого сознания, любящего собирать и вспоминать свои обиды. Черная благодать находит их с самого детства, как ламаисты своего Далай Ламу, и прокладывает им дорогу.